

чительно больше. В периферийных городах азиатского Боспора наравне с импортом из других городов мы должны отметить и ранний импорт Синопы, примером чего может являться Семибратнее городище. Семибратнее городище, будучи связано с Черным морем одним из рукавов Кубани, могло получать товары из Синопы не только через Фанагорию, но и непосредственно морским путем. Следует отметить, что в Семибратнем городище импорт Синопы приходится в основном на конец IV—III вв. Основная масса найденных здесь клейм, как было указано выше, падает на первые три хронологические группы, т. е. с конца IV в. по 180 г. до н. э.¹ Со второй половины II в. импорт этот резко сокращается, что объясняется, повидимому, тем, что город в это время теряет свое прежнее торговое и военное значение. Но и в ранний период по ввозу товаров Синопа далеко не стояла на первом месте. Во второй половине IV и в III в. здесь преобладал ввоз из Гераклеи, с Фасоса и других, не известных нам пока центров производства амфор. Среди амфорных клейм преобладают фасосские, которых найдено 32, что составляет 48,5% всех клейм, встреченных на Семибратнем городище.

Одновременно с падением импорта в Семибратнее городище усиливается импорт Синопы в глубь Прикубанья. В этом отношении весьма показательным является городище ст-цы Елизаветинской, куда товары попадали, вернее всего, через Фанагорию. Раннего ввоза синопской керамики мы здесь совершенно не наблюдаем. Судя по клеймам, найденным на городище, и по амфорам из погребений грунтового могильника, синопский импорт в Елизаветинское городище начинается только с конца III в. и, постепенно возрастая, достигает наибольшей интенсивности во второй половине II в. и в начале I в. до н. э. Отсюда синопские амфоры шли дальше, вверх по течению р. Кубани.

Таким образом, находки синопской керамики на Кубани дают нам возможность хотя бы до некоторой степени выяснить характер торговых связей Прикубанья и интенсивность торговли с отдельными центрами в эллинистический период.

Н. В. Анфилов

СОСУД ИЗ ТЕРМЕЗА С ВАКХИЧЕСКОЙ СЦЕНОЙ

В начале нашего столетия военным инженером И. Т. Пославским был приобретен у местного жителя в Термезе сосуд, вырытый на древнем термезском городище. В 1920 г. после смерти И. Т. Пославского сосуд этот в составе коллекции других предметов древности поступил в археологическое собрание Туркестанского восточного института в Ташкенте, переданное позднее в Главный среднеазиатский музей, ныне Музей истории Уз. ССР, где находится по настоящее время².

Сосуд сделан из коричневато-розовой глины. Внутри и снаружи его покрывает какой-то плотный, светлый, известковый налет, появление которого, видимо, связано с условиями пребывания в особом археологическом слое. Внешняя поверхность, как видно по свободным от известковой корки участкам, первоначально была глянцево-блестящей (лако-глазурное покрытие). Сосуд изготовлен вручную и сформован из нескольких частей; отдельно вылеплены и затем тщательно соединены дно, две половины тулова, горловина. Этот способ изготовления обусловлен особой формой сосуда, горизонтальное сечение которого не круглое, но овальное. Вверху с одной стороны он

¹ Синопских клейм V и VI хронологических групп на Семибратнем городище найдено всего только два.

² Единственное пока упоминание в печати этого сосуда см. в кн.: М. Е. М а с с о н, Городища Старого Термеза и их изучение, «Труды Уз. ФАН», сер. I, история, археология, вып. 2—Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г., Ташкент, 1941, стр. 110, прим. 127.

имел почти вертикально расположенную горловину сливника, от которого отходила ручка, прикреплявшаяся с другой стороны. Тулово овоидальное, дно плоское, с низкой кольцевой ножкой. Это так называемый аскос. Основные размеры: диаметр тулова по длинной оси — 20,5 см, по малой оси — 18 см, общая высота — 12 см, сечение черепка в изломе — 3-4 мм. Сосуд разбит на 16 кусков; восстанавливается почти полностью, за исключением большей части горловины и ручки. Постав сосуда оформляет полоса овов, а отделяющую его от тулова выкружку — шнур перлов. Тело сосуда примерно на одну треть от основания разделено на две полосы валиком.

Рис. 1. Сосуд из Термеза. Голова Диониса

В верхней полосе раздвигается сложное изображение. Под самой ручкой располагается крупное лицо, выполненное в высоком рельефе (рис. 1). Лицо круглое, полное, молодое. Брови опущены у переносья и вздернуты над глазами. Слегка раскосые глаза сужены в гримасе смеха; зрачки их выявлены вдавленным рельефом. Нос почти прямой, но с выраженным западанием переносицы; ноздри широко распластаны к щекам. Полные губы сложены в улыбке, широко раздвигающей толстые щеки. Общее выражение лица — блаженный, пьяный смех. Пряды волос, зачесанных наверх, покрывает веноч из виноградной лозы и гроздьев. Над лбом — нечто вроде мордочки животного, от которого отходит как бы жгут с бахромой на конце (известковая корка затрудняет

возможность распознать эти детали — может быть, это змея среди листьев). По обе стороны лица — побеги и усики виноградных лоз и развевающиеся ленты. Изображен, несомненно, бог Дионис.

Справа от этой головы разворачивается композиция из 10 фигур (рис. 2). Сюжетом композиции является дионисийский фиас. Первая фигура изображает менаду, обращенную спиной. Голова ее повернута влево, а волосы собраны на затылке узлом, из-под которого спускаются на спину отдельные вьющиеся пряди. Правая рука, поднятая и согнутая над головой, держит небольшой бубен, левая поддерживает край длинного хитона, скрепленного на правом плече, но оставляющего открытым левое. Под тонкой тканью — гибкое, изогнутое в спиралевидном повороте тело.

Рис. 2. Сосуд из Термеза. Дионисийский фиас

За менадой стоит Дионис. Голова его обращена вправо. Черты лица и детали причёски, как, впрочем, почти у всех фигур, смьяты и нечетки. Дионис стоит прямо; тело его мягко изогнуто, центр тяжести сосредоточен на левой ноге. В правой руке, согнутой в локте, — длинный тирс, увенчанный шишкой пинии. Левая рука опирается на плечо стоящей рядом с ним девушки. С этой руки ниспадает густыми складками до полу гиматий, заброшенный за спину, окутывающий правое бедро и закрывающий ноги.

Спутница Диониса — Ариадна или менада. Она стоит прямо, верхняя часть туловища слегка повернута вправо, головка обращена на три четверти влево. Длинный хитон из тонкой, обрисовывающей формы тела ткани скреплен на плечах и перепоясан под грудью. В левой руке лира с угловатыми контурами, правая рука ударяет по струнам. Возле левой ноги изображена маленькая пантера, грызущая оброненный тирс.

Следующий персонаж — пляшущий юный сатир. Нагое тело обращено спиной. Голова его, обращенная влево, заброшена назад; спина изогнута; вытянутая правая нога опирается на носок; левая, согнутая в колене, отведена назад. Ниже поясицы — маленький хвостик. В вытянутой левой руке находится шкура животного; согнутая правая поддерживает на правом плече короткий тирс с развевающимися лентами.

После некоторого интервала, как раз под горловиной сосуда, — группа из двух фигур. Пьяный силен падает, пытаясь поднять выроненный канфар. Бородатое лицо изображено в профиль вправо. Лысая голова увенчана плющом. Тело — полунагое, полное, с жирным животом, задрапировано ниже бедра сползающей тканью. Пьянчугу поддерживает молодой сатир; его тело обнажено, за спиной у него шкура, развевающаяся от бурного движения.

Рис. 3. Сосуд из Термеза. Цикл жертвенных атрибутов

Продолжение композиции образует пляшущая менада. Сохранилась лишь нижняя половина тела, задрапированного в развевающиеся одежды. Рядом с нею стоит молодой сатир, играющий на двойном авлосе.

Заключительную пару составляют менада и сатир. Голова женщины обращена вправо, стоит она в полоборота налево. Тело окутывают мягкие одежды, через левое плечо переброшен шарф, конец которого тянет к себе сатир. Он молод, обнажен. Голова как бы экстатически заброшена назад. Стоит прямо, ноги раздвинуты, на левое плечо наброшена шкура.

На горловине сосуда сохранилась гроздь — остаток украшавшей ее виноградной лозы.

Нижняя полоса сосуда содержит трижды повторяющийся цикл различных жертвенных атрибутов (рис. 3). Каждый цикл включает: 1) букраний — бычачий череп, украшенный гирляндой с ниспадающими концами; 2) ойнохою — кувшин с острым сливным краем, высокой рифленой горловиной и высоким поставом; 3) долибрум — широкий нож для заклания жертвенных животных; 4) аспергиллум — род кадила, рукоятка которого оформлена в виде ноги с бычачьим раздвоенным копытом; 5) плоскую чашу для крови жертвенного животного, на дне которой изображена маленькая голова медузы; 6) гасту — секиру с короткой рукояткой; 7) патеру — род длинного уполовника для возлияний; 8) арех — жреческий шлем овальной формы, охватывавший щеки и подбородок; впереди он украшен четырехлепестковой фигурой, по верху как бы охвачен цепью или венком, над лбом — вертикально гофрированная бахрама.

С историко-культурной точки зрения термезский сосуд исключительно интересен. Подобная форма овоидальных асковов, иногда с орнаментированной поверхностью, не чужда эллинистическо-римской торевтике начала нашей эры. Иногда и их оформляли в виде фигуры какой-либо птицы, например утки. Это обстоятельство, может быть, указывает на восточное происхождение формы. Водолей в виде птицы известен на азиатском востоке в торевтике времени Сасанидов (III—VII вв.) и значительно позднее,

в эпоху средневековья (особенно в XI—XII вв.)¹. В горных районах Таджикистана, в частности, в Ягнобе, среди народных гончарных изделий, сохранивших пережиточные формы глубокой старины, донные распространены сосуд «мурги-оби», форма которого соответствует наименованию («мурги-оби» — водная утка)². Неглазурованные сосуды в форме аскаса были отмечены М. Е. Массоном в археологических слоях древнего Самарканда (Афрасиаб) и его окрестностей (Ургут).

Что касается материала и техники изготовления, то некоторые аналогии могут быть получены при сравнении с керамикой кушанского Термеза и близлежащего Айртама³. Тонкостенные сосуды из хорошо отмученной керамической массы, с лакоглазурным покрытием поверхности очень типичны для археологических слоев (I в. до н. э.— III в. н. э.) этих городищ. Однако во всем подвергнутом обследованию керамическом материале орнаментированные изделия сравнительно редки. При этом обычной техникой украшения служило процарапывание орнамента, налеп и оттиск на глине, но не рельефный штамп. Кроме того, мотивы украшений очень ограничены и скромны. Примеры столь сложных сюжетных композиций, какие содержит рассматриваемый аскас из Термеза, в местных керамических изделиях пока неизвестны.

Анализ рельефов на термезском сосуде уводит нас в иной культурный круг. Дионисийская сцена в верхней его половине представляет почти абсолютную реплику рельефа известной «вазы Боргезе» из пентеликийского мрамора (Лувр; найдена в Риме, рис. 4). Это замечательное произведение эллинистического искусства послужило, как полагают, образцом для многих подражаний. Можно полагать, что сам рельеф на «вазе Боргезе» представляет собой хорошую копию монументального рельефа с какого-то известного в древности, но недошедшего до нас алтаря или храма Диониса; сюжет этот впоследствии, видимо, неоднократно копировался в изделиях художественной промышленности. Показательно, например, обнаружение мраморного кратера, рельеф которого повторяет вакхическую сцену «вазы Боргезе», при раскопках в Александрии и аналогичный рельеф кратера из Махдии. Оба последних памятника по стилистическим признакам датируются II—I вв. до н. э., причем высказывалось предположение, что местом их изготовления могли быть Афины, якобы поставившие в эллинистические города изделия художественной промышленности⁴. Думается, что логичнее искать место их производства не в Афинах, уже утративших роль руководящего художественного центра, но именно на территории тех восточноэллинистических образований, которые пышно расцвели после распада Македонской империи. В этой связи нельзя не отметить широкое распространение в эллинистическую эпоху сосудов, украшенных рельефами на дионисийские сюжеты. При этом в ряде случаев наблюдается прямая связь этих изображений с рельефами «вазы Боргезе». Датировку их исследователи относят ко II—I вв. до н. э. Центром их изготовления считается Пергам.

На широкое распространение красноглиняных терракотовых сосудов с рельефной орнаментацией в эллинизированных городах Востока, в том числе с изображением дионисийских персонажей, указывает обнаружение их также в археологических находках Александрии. В первых веках нашей эры работа этих эллинистических коропластов оказывает значительное воздействие на так называемые «арретинские вазы» римской красноглиняной керамики. Именно к римскому изобразительному искусству восходит комплекс жертвенных предметов в нижней части термезского сосуда. Он представляет собою почти абсолютную реплику ритуальных атрибутов, изваянных на фризе храма Веспасиана и Тита, отстроенного Домицианом в 81 г. н. э. Набор подобных по типу

¹ И. А. Орбели и К. В. Тревер, Сасанидский металл, М.—Л., 1935, стр. 79—82.

² Е. М. Пещерев, Гончарное производство у горных таджиков, ИСАГО, т. XIX (1929), Ташкент, стр. 32; Г. В. Григорьев, Архаические черты в производстве керамики горных таджиков, ИГАИМК, т. X (1931), стр. 8—9.

³ М. И. Вязьмитина, Керамика Айртама времени кушанов, «Труды АН Уз. ССР», Термезская археологическая экспедиция, вып. 2, Ташкент, 1945, стр. 40 сл.

⁴ M. Rostovzeff, SENHW, Pl. LXXXIII, стр. 746.

жертвенных предметов встречается на ряде других произведений монументальной римской пластики императорского периода. Эти параллели решительно уточняют датировку нашего сосуда именно началом нашей эры.

В первых веках нашей эры среднеазиатское рабовладельческое государство кушан, включавшее обширные территории от Хорезма и Мерва до Памира и северо-западной Индии, достигает своего наивысшего могущества. Между кушанами и Римской империей завязываются политические связи на почве возможной координации усилий против общего могучего врага — разделяющего их Парфянского царства. Известно, что в начале II в. н. э. Кадфиз II направляет в Рим специальное посольство, имевшее дипломатическую миссию по объединению военных сил против парфян. Од-

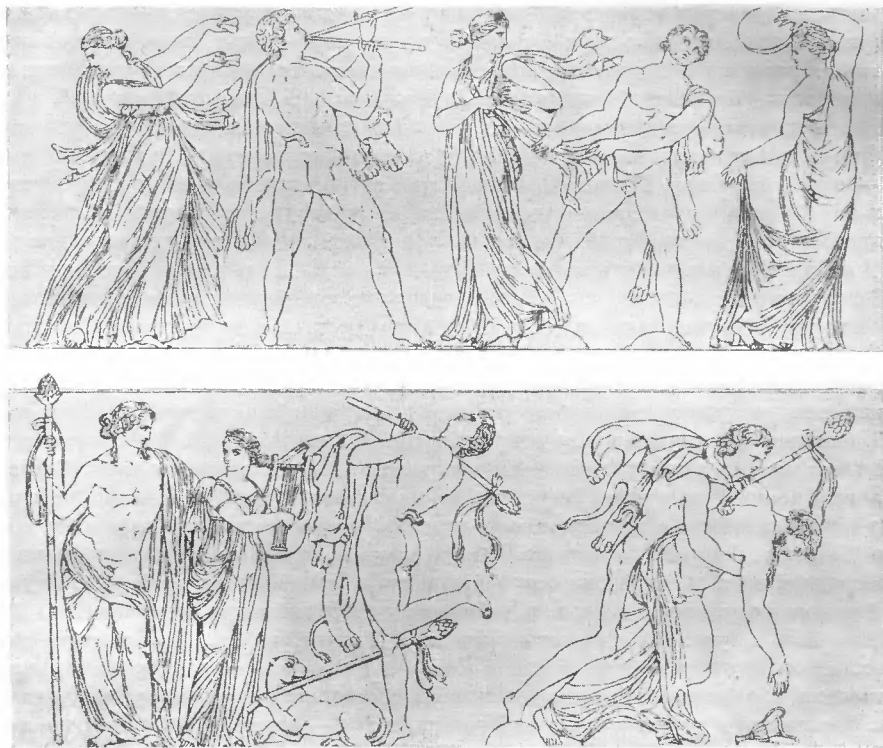

Рис. 4. Рельефы на «вазе Боргезе»

нако несравненно большую роль в установившемся контакте играли стародавние, прочные экономические связи между среднеазиатскими и средиземноморскими странами. Наглядным показателем этого является обнаружение большого числа римских монет, особенно чекана Флавиев, Траяна и Адриана, при раскопках кушанской Каписы (Бергам). В коллекции монет термезского священника Зампаева, собранных им в основном из местных находок, было немало монет римского чекана. Расцвет Деметрии — рабовладельческого Термеза падает, как установлено работами Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ), на эпоху кушан, когда город имел площадь почти в 500 га¹.

Проникновение среднеазиатских купцов в Александрию при Веспасиане засви-

¹ М. Е. Массон, Работы Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) 1937 и 1938 гг. «Труды АН Уз. ССР», сер. I, история, археология, вып. 2, Ташкент, 1945, стр. 4—5.

детельствовано письменными источниками¹. Повидимому, основной путь, по которому двигались среднеазиатские и римские купцы, был морской, так как оба государства разделял парфянский барьер. Однако в период политического ослабления парфян, в I в. н. э. или во время 40-летнего мира Парфии с Римом (122—162 гг. н. э.) мог широко использоваться и более короткий караванный путь. Вопрос о составе товаров, шедших на обмен, выяснен еще недостаточно полно. Известно, что из государства кушан вывозилось железо², памирские лазуриты, бадахшанские рубины, горный хрусталь, бирюза и прочие драгоценности³, различные специи⁴, пряности и слоновая кость (в основном из индийских владений), тончайшие ткани, высоко ценившиеся римскими модницами (это могли быть проникавшие в Среднюю Азию через Кашгар китайские шелка). Из городов римско-эллинистического мира в обмен поступали преимущественно различные изделия городского ремесла⁵. Наглядное представление о характере импортируемых вещей, проникавших с запада в государство кушан, дают объекты археологических раскопок в Беграме: художественные стеклянные изделия, бронзовые гири в виде головки Марса или Минервы, алебастровые палеры, амфориски и др.⁶

Живой контакт средиземноморских городов с народами центральноазиатских областей получил наглядное воплощение в памятниках широкого народного искусства — в коропластике. В многочисленной группе так называемых «варварских» головок из Смирны справедливо усматривают не гротески, но реальные, этнически правильные изображения представителей тех центральноазиатских народностей, с которыми местные коропласты могли воочию ознакомиться в первых веках нашей эры.

Совершенно несомненно, что объекты художественного ремесла, ввозившиеся средиземноморскими купцами в области кушанского царства, были рассчитаны на вполне определенный спрос. И в этом смысле описанный сосуд из Термеза заслуживает пристального внимания. Сюжеты его оформления весьма характерны. Мы вправе связать их с широким распространением в местной среднеазиатской среде культовых представлений, близких по содержанию к греко-римским образам Вакха-Диониса и его свиты,

Если сцена фиаса на термезском аскосе повторяет шаблонный мотив «вазы Боргезе», то голова Диониса под ручкой сосуда очень оригинальна. Она совершенно непохожа на тот повторяющийся в эллинистическо-римском искусстве в ряде вариантов образ юного Диониса, который был создан Праксителем в виде прелестного томного юноши в виноградном венке, с правильными чертами лица, смягченного мечтательной улыбкой. В римской скульптуре II в. н. э. он сливается с образом красавца Антиноя. Не то на термезском сосуде. Перед нами «азиатский» Дионис, черты лица которого, несомненно, отражают не греческий, но какой-то местный этнический тип. В нем нет никакой идеализации, его богатая мимика с реалистической остротой передает гримасу пьяного смеха. Однако это и не так называемый «индийский» — бородатый Дионис, но юный сатир, выразитель необузданно-чувственного, «вакхического» начала.

Изучение дионисийского культа производилось по преимуществу на греческом

¹ M. G u b i a n d, Les caravaniers asiatiques et riverains de l'Océan Indien vus par les coroplastes de la Smyrne Romaine, «Artibus Asiae», т. XI, 1/2, 1948, стр. 124.

² М. Е. М а с с о н, К истории черной металлургии Узбекистана, Ташкент, 1947, стр. 23—25.

³ О н же, Из истории горной промышленности Таджикистана, Л., 1934, стр. 16—17, 33, 67.

⁴ Среди специй, широко вывозившихся, по сведениям письменных источников, в средние века из Термеза, упоминается лекарственное растение асафетида; вероятно, оно экспортировалось еще в древности, так как было хорошо известно в древней медицине. Ср. М. Е. М а с с о н, Города древнего Термеза..., стр. 99—100.

⁵ В. В. Б а р т о л ь д, История Туркестана, Ташкент, 1922, стр. 6.

⁶ Р. Г и р ш м а н, Раскопки Французской археологической делегации в Беграме (Афганистан), КСИИМК, XIII, 1946, стр. 10—11.

материале письменных свидетельств и произведений искусства. Между тем «дионисизм» — праздник виноделов, сливающийся с древними мифами о плодоносящей природе, был широко и повсеместно распространен среди многих земледельческих народов юга с древней культурой виноградарства. С полным правом его можно ожидать и в Средней Азии, где встречаются дикие виноградные лозы, из которых человек в самые стародавние времена вывел культурные сорта. Местные «дионисы» носили здесь какие-то свои наименования: у самих греков Дионис имел ряд имен — Вакх, Бромий, Евий, Ианх, Ленея, Лизей, — может быть, как результат собирательного понятия об этом божете, почитавшемся в разных местах. Посвятительные обряды и культовые действия могли быть иными, нежели в Греции, но все они, в общем, сводились к буйному ликованию праздника, связанного с мифами об умирающей и воскресающей природе, приурочивавшегося к завершению трудоемких работ по выращиванию и сбору винограда. Арриан, упоминая о городе Нисе, будто бы основанном Дионисом в Индии, оговаривается, что ему неизвестно, что это был за Дионис, когда и зачем он воевал с индусами. «Нельзя с точностью проследить все мифы, которые издревле передают об этом божете», добавляет он (А г г., *Anabasis*, V, 1). В словах рационально настроенного греческого писателя содержится указание на существование какого-то местного культа. Арриан приводит далее описание поросшей плющом горы Мерос, посвященной жителями индийской Нисы своему богу, у которой македонцы принесли жертву Дионису и устроили буйное празднество (там же, V, 11). Можно безусловно ожидать наличия «дионисийского» культа (пользуемся этим термином условно, с оговоркой на его несомненно местную основу) и в среднеазиатских областях — Согдиане, Бактрии, Маргиане, может быть, и Фергане, с их стародавней, засвидетельствованной античными и китайскими авторами высокой культурой виноградарства¹. Памятники местного искусства это наглядно отражают.

Не входя в подробности, сошлемся на детальные изыскания по этому вопросу, проведенные Л. И. Ремпелем в отношении согдийских терракот из Самарканда, изучение которых позволило выделить целую группу персонажей, связанных с дионисийским фiasом, особенно немолодых силенов, так называемых «лысых старцев». Изучением многочисленной пока группы терракот первых веков нашей эры из Мерва также устанавливается в коропластике Маргианы наличие персонажей из свиты Диониса (сатир, менада) и близких ему мифологических существ². На широкое распространение дионисийских сюжетов в парфянской изобразительной культуре указывают замечательные рельефы ритонов парфянских царей из парфянской Нисы, открытых в 1948/49 гг. ЮТАКЭ. Большую часть этих ритонов украшают сцены дионисийских празднеств: танцующие сатиры и менады, жертвенные козлы, которых ведут на заклание или поят вином, возлияние вина над алтарем и т. п. В южных областях кушанского государства сюжеты этого рода, видимо, имели также значительное распространение. Еще во II в. до н. э. греко-бактрийский царь Агафокл, как полагают, правитель южных склонов Гиндукуша и северо-западной Индии, чеканил на монетах свой идеализированный портрет в образе Диониса, который, возможно, был его божеством-покровителем³. Среди памятников изобразительного искусства эпохи кушан можно указать, например, на серебряное блюдо из бадахшанской сокровищницы, где на фоне виноградных лоз изображен какой-то местный «Дионис», широколицый, с усиками над губой, тянущий вино из маленького ритона. На другом блюде из той же коллекции изображен Дионис в колеснице, влекомой людьми⁴. В свите его

¹ В. В. Бартольд, *История культурной жизни Туркестана*, Л., 1927, стр. 6.

² Л. И. Рempel, *Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы*, «Труды ЮТАКЭ», I, Ашхабад, 1950.

³ К. В. Тревер, *Памятники греко-бактрийского искусства*, М.—Л., 1940, стр. 131—133.

⁴ Я. И. Смирнов, *Восточное серебро*, СПб., 1909, табл. XVII, 40, 41, табл. XIII, 35.

характерна фигура бегущего сзади юноши. Полагают, что это пьяный Геракл. Но, может быть, это, однако, сатир, так как внешне он поразительно напоминает пляшущего сатира с тирсом через плечо и развевающейся шкурой из группы на описанном термезском сосуде. Напомним, наконец, о целом ряде персонажей местного дионисийского круга, вторгающихся в цикл буддийских сюжетов скульптурных памятников Гандхары. Сведения о почитании местного двойника Диониса в Индии в начале нашей эры содержатся у Страбона и в житии Аполлония Тианского. К. В. Тревер подчеркивает указание Филострата, что белокаменной (видимо, мраморной) статуе этого божества были приданы черты индийского юноши¹.

Таковы некоторые наблюдения. Они позволяют с большим основанием говорить о распространенности в среде среднеазиатских земледельцев каких-то особых народных культов, связанных с божествами плодородия и виноградарства. В период расцвета среднеазиатского рабовладельческого общества и соответствующего ему развития местных культур, в пору широких международных общений образ этих божеств сливается с классическим Дионисом. Термезский сосуд — наглядное свидетельство экономических и культурных связей, которые соединяли в начале нашей эры могущественные государства Средней Азии и Средиземноморья.

Г. А. Пугаченков

ЕГИПЕТСКИЕ РАСПИСНЫЕ ПОЛИХРОМНЫЕ СОСУДЫ

(Из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина)

Завоевательная политика фараонов Нового царства содействовала усилению политического могущества и улучшению экономического благосостояния господствующего класса. В это время в страну приводилось множество рабов, труд которых широко использовался на строительстве и в ремесле. В Египет привозилось в большом количестве дерево, слоновая кость, медь, золото, драгоценные камни, необходимые для изготовления предметов быта. Все это способствовало развитию ремесла и появлению новых видов изделий. В это время среди прочих дорогих и красивых вещей большое распространение получили расписные сосуды. Место одноцветных и двуцветных росписей Древнего и Среднего царств занимают теперь многоцветные узоры, выполненные яркими красками. Среди них встречаются растительные орнаменты, изображения животных, многофигурные композиции, умело согласованные с формой предмета.

Рассмотрим два таких сосуда с полихромной росписью из коллекции ГМИИ №№ 5144 и 5145 (рис. 1). Сосуды эти поступили в музей из коллекции В. С. Голенищева. Публикуются впервые. Оба сосуда сделаны из красной глины, сверху обмазаны светлой глиной, обожжены, а затем расписаны.

На сосуде № 5145 (рис. 2а, б) (выс. 50 см, диам. тулова 75 см, диам. горлышка 9 см) среднее поле заполнено стоящими цветами папируса, чередующимися с бутонами на длинных стеблях. Между папирусами помещены два носильщика — мужчина и женщина. Мужчина держит на плечах коромысло с двумя расписными сосудами. За ним следует женщина, держащая на привязи светлорыжую козу с круто закрученными рогами. Верхняя часть сосуда разделена на пять полос. Все выступы гофрированного края окрашены в разные цвета: вторая и четвертая полосы заполнены белыми и зелеными лепестками, две другие тоже покрыты орнаментом из лепестков, но окрашены в оранжевый и зеленый цвета. Нижний пояс сосуда покрыт совершенно таким же узо-

¹ К. В. Тревер, ук. соч., стр. 23.